

Я — карикатурист

И.Ф. Масленников

*режиссер, сценарист, продюсер,
народный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии России*

Вспоминая самого себя с ранних лет, я обнаруживаю, что никогда никем не хотел быть — ни капитаном в Кейптаунском порту, ни геологом в тайге, поющим под гитару, ни летчиком, штурмующим небо, ни подводником, ни даже музыкантом, хотя пою и изображаю симфонический оркестр без фальши. А уж про химию и математику и говорить нечего.

Я был болтливым мальчишкой. Мама называла меня «хихиколкой». Ленив, созерцателен. Задатки экстрасенса. Любил разглядывать альбомы, открытки, перерисовывать их, в книгах — картинки, обложки. Читал с неохотой. Плохая память на факты и ситуации, но отличная зрительная. Не понимаю, как можно в лесу заблудиться.

В годы войны я таскал с собой по всем эвакуациям книжку «Плюх и Плих». Любимое занятие — разглядывание иллюстраций. Потом я узнал, что автор книги немецкий художник Вильгельм Буш, а стихи его перевел на русский язык Даниил Хармс. Эти стихи я помню наизусть до сих пор, читал их и детям и внукам.

*Каспар Шлих, куря табак,
Нес под мышкой двух собак...*

Детская книжка эта затерялась в переездах военного времени. Какова же была моя радость, когда в магазине «Книги стран народной демократии» я наткнулся на немецкое издание обширного альбома Вильгельма Буша, где были любимые «Плюх и Плих» со знакомыми картинками. А еще позднее, в одном из сборников Д. Хармса — я нашел его перевод, который и так знал.

Теперь я могу с уверенностью сказать — смешные шаржи В. Буша для детей XIX века стали школой моего художественного вкуса. Скажу более — Игорь Федорович (обратите внимание на полное совпадение в имени) Стравинский с детства был поклонником этих древних, по нынешним временам, «комиксов» для детей, знал наизусть стихи Вильгельма Буша — и не по-русски, как я, а в оригинале, то есть по-немецки.

А были еще:

Веселый Франц и шустрый Фриц

Идут охотиться на птиц...

Или: *...Обедом сытным утомлен,*

Папаша спит и видит сон,

А надоедливая муха...

Или: *...Купать ребят решила тетка.*

Они сидят и смотрят кротко...

Это было придумано, нарисовано и сочинено в середине XIX века!

Но главное мое открытие было впереди! Когда я узнал, что все эти сотни иллюстраций для тогдашних книг и журналов изготовлялись каторжным трудом гравюров, я был потрясен. Каждый легкий и изящный рисунок Буша они переводили специальными резцами и долотами на пальмовую полированную дощечку, вырезая на ней форму-клише для типографской печати.

Мое сердце было отдано искусству книги. Еще студентом газетного отделения филфака я собрал обширную библиотеку по искусству книгопечатания, стипендии в те годы хватало, чтобы покупать у букинистов на Литейном альбомы оригинальных литографий М. Добужинского, офортов Г. Верейского и Д. Митрохина, ксилографий П. Шиллинговского и В. Фалилеева, линогравюры А. Остроумовой-Лебедевой. Даже дипломное мое сочинение называлось «Первые русские иллюстрированные журналы».

А эти волшебные слова — эстамп, лавис, сухая игла, акватинто, пунктир, мягкий лак, меццо-тинто! В те годы у тех же букинистов можно было приобрести — уже подороже — петербургские в полный лист иллюминированные гравюры XVIII века М. Махаева, пейзажи А. Ухтомского, серию изящных офортов И. Шишкина, даже альбом сатирических жанровых гравюр англичанина У. Хогарта.

Ненасытность коллекционера — вещь опасная! Куда мне было до товарища по режиссерским курсам на «Ленфильме» Соломона Шустера, который собрал огромные коллекции живописи начала XX века и старинного фарфора. Я же оставался верен графике, всему тому, что запечатлено на бумаге. Разными путями пришли ко мне офорты архитектора И. Фомина, кроки Р. Фалька, иллюстрации В. Бехтеева и Н. Кочергина, «Пушкин» О. Кипренского, литографии В. Тимма, кое-какие работы японцев и китайцев...

Я не поступил в Академию художеств, хотя прилично рисовал, а мой отец мечтал увидеть меня архитектором. Оно и к лучшему! Известно, что еще в давние времена студентов, увлекавшихся шаржами и карикатурами, исключали из Академии по причине «порчи руки и глаза».

А я продолжаю всю жизнь без устали разглядывать графику французов — Гюстава Доре, Огюста Домье, англичан — Обри Бердслея и Сиднея Паже, чеха Йозефа Лады, датчанина Херлуфа Бидструпа, наших старых мастеров А. Агина, П. Боклевского, А. Орловского... От всех них веет карнавалом, буффонадой, бурлеском, эпиграммой, лубком.

Меня никогда не тянуло (может быть, из-за неуверенности) рисовать эмоциональные пейзажи, иллюстрации к серьезной книге или психологические портреты. Мне нравилось искажать видимую реальность, иронизировать, давать ей оценку. Бацилла Вильгельма Буша, вселившаяся еще в детстве, сделала из меня карикатуриста...

Если не тысячи, то уж сотни карикатур, были нарисованы мной сначала в школьные стенгазеты, потом в факультетские «молнии» на комсомольских конференциях, в многотиражки и на телевидении. Потом все это творчество сворачивалось в рулоны и навсегда исчезало из моей жизни. И то, что я здесь сейчас наговорил, не имеет, увы, вещественных доказательств. Вот только дружеские шаржи на коллег по кино — И. Авербаха, В. Трегубовича, С. Шустера, А. Германа, моего учителя Г. Козинцева, любимого московского грузина М. Хуциева лежат у меня дома в папках.

Почему же затеял этот разговор — я, кинорежиссер, поставивший десятки фильмов и сериалов?

Шаржи рисуют многие наши режиссеры — А. Митта, Г. Данелия, С. Говорухин, С. Соловьев, В. Хотиненко... Весьма игривые шаржи рисовал Сергей Эйзенштейн. А Федерико Феллини?!

Я не люблю угрюмые фильмы, те шедевры, где отсутствует даже тень улыбки. Есть великие режиссеры — создатели таких картин. Не о них здесь речь... И не о кинокомедиях. В искусствоведении давно существуют анализы и теории комического. Я о другом...

«Учитель Козинцев непререкаем...»

Кино — зрительное искусство. И главное в нем — точка зрения!

Как устроены «глаза» художника, таково и его творчество. Например, работая над серьезным (не комедийным) фильмом, можно пригласить прекрасных исполнителей — красивых актрис и мужественных актеров, так называемых «социальных героев». И они прекрасно справятся. «Суп» будет съедобным и даже красивым, но... без соли и перца.

А если позвать «чудаков»?.. Фильмы Георгия Данелия часто называют комедиями, но сценарии этих фильмов были не комедийными, не «гайдаевскими». Просто в них играют «чудаки»!

Ни Серго Закариадзе, ни Вахтанг Кикабидзе, ни Евгений Леонов не являются чудаками в жизни. Таковыми их сделала в фильме «Не горюй!» режиссерская воля и насмешливый взгляд замечательного режиссера.

Комедийные ли актеры Алиса Фрейндлих и Олег Басилашвили? А сколько юмора, иронии, улыбки в их работах.

Это не значит, однако, что в театральных училищах, желая получить отличных актеров, надо набирать одних чудиков, ребят со странностями, оригиналов, придурковатых и в чем-то ущербных. Молодые актеры могут быть прекрасны, обаятельны, красивы. Но настраивать их надо на поиск в себе «характерности», индивидуальных черт и особенностей, свойственных только каждому в отдельности.

Народный артист СССР Кирилл Лавров был типичный «социальный герой». Он играл даже В.И. Ленина!.. Но лучшие его роли: Соленый — «Три сестры» и Молчалин — «Горе от ума» в Большом драматическом театре им. Г.А. Товстоногова. Роли «характерные»!

Быть «характерным» — не значит кривляться или придуриваться.

Это, *во-первых*, умение вкрадчиво обратить на себя внимание. Ум, воспитание, образованность, умение слушать не помешают в деле.

Во-вторых, нужно умение «выглядеть», если выбрана актерская профессия. Надо одеваться не крикливо и аляповато, но и не убого, по-нищенски. Деталь, подробность, общий тон должны быть только «вашими». Найти их не просто.

В-третьих, есть опасность превратиться в «типажи»...

В-четвертых... впрочем, я не педагог по актерскому мастерству.

«Этот набросок был доказательством необходимости шить корсет»

Вернемся к кинорежиссуре.

Режиссерский насмешливый взгляд! Я уже упоминал об этом. Вот где находятся те перец и соль для того самого пресного супа. Он родственен взгляду карикатуриста. «Насмешливый» — не значит уничижительный. Он может быть добрым, грустным, снисходительным. Но он может быть гневным и горьким.

Смешное в искусстве живет долго, оно переходит в наследство к детям, детям детей... Поэтому вечны «Дон Кихот», «Мертвые души», «Гаргантюа и Пантагрюэль», «Мастер и Маргарита», «Сто лет одиночества» — шедевры «насмешливых» авторов.

Я сознательно не называю ни одного английского «насмешника», потому что их имена надо перечислять долго-долго, начиная с Шекспира...

И вот еще какой фокус. Один и тот же анекдот у одного рассказчика вызывает смех аудитории до колик, у другого — смертную скуку.

Нет прибора, с помощью которого можно измерить в градусах или сантиметрах степень иронии, сарказма, насмешки, улыбки. Но есть главный «прибор» — зритель, читатель, «потребитель» духовной пищи и, кроме того, критик... «Смешно — не смешно», им решать. Но кто заранее скажет, как сформируются аудитории — «одни любят попадью, другие осетрину с хреном»? В любом случае приговор на долговечность творчества принимают не те, у кого кислое выражение лица, а те, кто чаще улыбается.

Льщу себя надеждой, что фильмы, в которые я вложил свой дар «карикатуриста», будут жить долго.

Тому уже есть кое-какие примеры... ■

«Гепмантюа»

Шаржи из личного архива автора

[библиотека ВГИК]

Бычков В.В.
Древнерусская эстетика: монография / В.В. Бычков. — М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив: Патриаршее подворье храмового мц. Та-

тианы при МГУ, 2012. — 832 с.: ил.

В монографии дана картина становления и развития на протяжении XI–XVII веков художественно-эстетической культуры Древней Руси, анализируется один из главных ее источников — византийская эстетика. Особое внимание уделяется развитию славянско-русских представлений о красоте, возвышенном, божественном свете, аскетическом и художественном опыте познания Универсума, пониманию искусства и книжной культуры древними русичами; древнерусскому восприятию литургической жизни, синтезу искусств в православном богослужении, осмыслению чудес, видений, знамений; нравственно-этического идеала человека, сформировавшегося в Древней Руси. Видное место занимает анализ принципов софийности, символизма, каноничности, духовности средневекового искусства и древнерусской книжности. Уделяется внимание изучению богословия, эстетики, художественного языка и сакрального смысла русской иконы: «умозрению в красках» крупнейших иконописцев Феофана Грека, Андрея Рублёва, Дионисия Ферапонтовского.

С XVI века, особенно в XVII века, на Руси появляются уникальные теоретические трактаты по теории иконописи, музыке, словесному искусству, зодчеству, исследуемые в книге. Издание рассчитано на специалистов в области древнерусской культуры, студентов и аспирантов гуманитарных факультетов, всех заинтересованных читателей.

Бочаров С.Г.
Филологические сюжеты: сборник избр. статей. — М.: Языки славянских культур, 2007. — 656 с.

Эта книга продолжает издание автора «Сюжеты русской литературы» (1999) и ее тематика решает ту же задачу, но с точки зрения филолога. Труд объединяет статьи за сорок лет, хотя большая их часть написана в последние годы, и в прежние издания автора не входили. Тематический спектр широк: работы о Пушкине, Гоголе, Достоевском, Боратынском, Тютчеве, Л.Н. Толстом, Леонтьеве, Фете, Чехове А.П. Ходасевиче, Г. Иванове, Прусте, А. Битове, Л. Петрушевской, а также о «филологах нашего времени» (название одного из разделов книги) — М. Бахтине, Л.Я. Гинзбург, А.В. Михайлове, Ю.Н. Чумакове, А.П. Чудакове, В.Н. Топорове, статьи общетеоретического характера. Издание предназначено историкам литературы, филологам, литературоведам.